

М. Ф. Альбедиль

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОТОИНДИЙСКИХ ТЕКСТОВ

Основания для сопоставления языка протоиндийских текстов (хараппского) с языками дравидской семьи были изложены уже в первой публикации группы исследователей, руководимой Ю. В. Кнорозовым¹. В процессе многолетней систематической работы группы число таких оснований увеличивалось, они приобретали статус аргументированных доказательств. Закономерным результатом этого явилась возможность чтения текстов².

Настоящая статья ставит своей целью по необходимости кратко, с минимумом иллюстраций изложить имеющиеся доказательства, обращаясь иногда к уже пройденным этапам работы. Таким образом читатель сможет уяснить методологические позиции участников группы, а также понять логику исследовательского процесса и стратегию научного поиска.

В 1964 г., в начале работы по изучению текстов, перед исследователями стояла задача, которую в самом общем виде можно сформулировать так: задан объект (код) — система знаков, представляющая собой определенный язык и содержащая определенную информацию. Ее и надлежит выяснить (расшифровать код). Уместно вспомнить, что с самых первых шагов целый ряд причин объективного свойства затруднял исследование языка протоиндийских текстов, прежде всего отсутствие достоверных данных об этносе долины Инда, которые могли бы указать на возможный характер языка надписей и сразу направить поиск в определенное русло. В распоряжении исследователей хараппского языка не было и какой бы то ни было билингвы, которая сыграла основную роль в дешифровках других систем письма. Исходный эпиграфический материал был крайне скуден по объему и специфичен. Объекты с надписями в подавляющем большинстве однотипны (главным образом печати и оттиски), тексты крайне малых объемов (до сих пор не обнаружено ни одного монументального текста) и к тому же в тематическом отношении весьма ограничены и монотонны — это было очевидно уже при первом визуальном изучении надписей. Почти тривиальным среди ученых считается утверждение, что неизвестное письмо на неизвестном языке не может быть дешифровано. Учитывая все это, вполне можно понять те нотки скептицизма относительно потенциальной эффективности исследования текстов и то отсутствие твердой уверенности в положительном решении задачи полной дешифровки этой системы письма, которые могли отметить читатели в упомянутой первой публикации группы. В качестве едва ли не единственной путеводной нити к расшифровке текстов оставалась лишь общепhilософская аксиома, согласно которой человеческая культура не знает совершенно

---

¹ См. Предварительное сообщение об исследовании протоиндийских текстов. М.: Наука, 1965.

² Во избежание возможных недоразумений сразу же оговоримся, что от дешифровки протоиндийской системы письма к полному филологическому исследованию текстов, в частности к овладению языком, ведет длинная извилистая дорога, по которой сейчас сделаны лишь первые шаги.

оригинальных кодов и потому всегда остается надежда найти некоторые аналогии: неизвестный язык может оказаться родственным известному.

Впоследствии шаг за шагом были решены принципиально важные при исследовании недешифрованной системы письма вопросы: направление, тип письма и т. д. Способы сегментации текстов, равно как и способы соотнесения и комбинации полученных элементов, классификация всего корпуса наличных знаков, выяснение их грамматических значений — все процедуры, выполнявшиеся в ходе исследования, излагались в специальных публикациях группы. В резюмирующем виде они приведены в статье Ю. В. Кнорозова³, и здесь нет необходимости их повторять.

Остановимся подробнее на проблеме языковой принадлежности протоиндийских текстов. Предыдущие исследователи чаще всего решали эту проблему *a priori*, исходя из косвенных (археологических, антропологических, исторических) данных, без привлечения собственно текстов. При этом выдвигались аргументы, как правило, противоречивые и с объективной точки зрения недоказательные.

Группой Ю. В. Кнорозова этот вопрос решался следующим образом. Все наличные тексты были подвергнуты позиционно-статистическому анализу с помощью вычислительной техники. Был произведен ряд формальных операций, позволивших установить основные параметры языка, т. е. выявить формальную структуру его грамматической системы. Затем полученные данные последовательно сопоставлялись со структурами тех языков, гипотетическое существование которых можно было предположить в долине Инда в период развития там протоиндийской цивилизации, т. е. хеттского, санскрита, языков Передней Азии: шумерского, хурритского, эламского, а также языков мунда, буршаски и дравидских. В результате последовательного соотнесения все из перечисленных языков, кроме дравидских, отпали. Основаниями для установления возможной аналогии исследуемого языка с языками дравидской семьи были следующие общие признаки: 1) отсутствие префиксов и инфиксов (в сопоставляемых языках имеются только постфиксы); 2) определенный порядок в комбинации постфиксов друг с другом; 3) отсутствие специальных аффиксов, оформляющих определение в атрибутивной синтагме; 4) препозиция определения к определяемому; 5) в сочетаниях типа числительное + существительное употребление последнего без суффикса множественного числа.

Эти основания достаточно убедительно свидетельствовали о близости языка протоиндийских текстов дравидским. Однако оставалось допущение, что исследуемый язык принадлежит к числу несохранившихся, «мертвых» языков и лишь по своему грамматическому строю отдаленно приближается к дравидской языковой семье. Это допущение снималось последующим развернутым фронтальным сопоставлением протоиндийского и дравидского языкового материала, а также отдельными атомарными отождествлениями.

Здесь необходимо сделать некоторые оговорки, чтобы предупредить возможные недоумения и вопросы. Отождествление языка протоиндийской цивилизации с дравидскими языками не означает, что носители этой цивилизации были непосредственными предками современных дравидов, населяющих ныне юг Индии. Термин «дравидский» приложим к протоиндийской культуре, строго говоря, лишь в лингвистическом смысле⁴. При этом следует особо отметить, что хараппский язык по

³ См. Кнорозов Ю. В. Протоиндийские надписи (к проблемам дешифровки). — Сов. этнография, 1981, № 5.

⁴ Вопрос о соотношении лингвистической, этнической и расовой категорий применительно к протоиндийской культуре весьма сложен и еще ждет своего разрешения. После выяснения лингвистической принадлежности обитателей долины Инда имеются основания считать их дравидоязычными. Однако палеоантропологические, а также некоторые лингвистические и культурно-исторические данные свидетельствуют о том, что

фонетике, грамматическому строю и лексике не может быть прямо сопоставлен с дравидскими языками: этому препятствует почти двухтысячелетний хронологический разрыв⁵. Таким образом, после установления дравидоязычной принадлежности протоиндийских текстов стала очевидной еще одна их особенность, осложняющая лингвистические изыскания: это тексты с нарушенной языковой традицией. Генетическая предыстория их неизвестна, а позднейшая традиция, фиксируемая с огромным хронологическим интервалом, дает материал для аналогичных сопоставлений на всех уровнях языка — морфологическом, синтаксическом и семантическом, но нужны надежные критерии, чтобы каждый раз убеждаться в непротиворечивости этого материала.

Поэтому при установлении тождества фрагментов грамматических систем хараппского и дравидских языков мы использовали преимущественно результаты анализа дравидских языков, приведенных к их наиболее древней форме, опираясь как на зарегистрированный, так и на реконструированный дравидский языковый материал.

Естественно, мы отдавали себе отчет в том, что хараппский язык на всех уровнях не являлся полностью идентичным исторически засвидетельствованному дравидским языкам. Однако общность грамматической системы, типа языкового развития, который характеризуется определенными, свойственными лишь ему закономерностями, делает сопоставление хараппского и позднейших дравидских языков допустимым и оправданным, несмотря на уже упоминавшийся двухтысячелетний разрыв.

В самом деле, если мы имеем две формально и функционально аналогичные грамматические или синтаксические структуры в текстах, разделенных большим периодом времени, и у нас нет прямых подтверждений непрерывности языковой традиции их употребления, правомерность сопоставления тем не менее подтверждается воспроизводимостью по общей для всей традиции порождающей модели.

Кроме того, нужно иметь в виду стабильность языковых (как, впрочем, и культурно-исторических) традиций в Индии. Здесь сохраняются (хотя часто с трудом прослеживаются) рудиментарные языковые и культурно-исторические связи, унаследованные от глубокой древности⁶.

К сожалению, вследствие скудности и специфики эпиграфического материала и по объективным причинам лингвистического порядка сейчас имеется возможность описать хараппский язык (в качестве отдаленного праязыка для дравидской семьи) не как целостную систему, реально существовавшую в означенное время, а лишь как совокупность характеристик отдельных языковых явлений. На этой базе в будущем можно реконструировать праязык во всей совокупности его черт (т. е. речь идет о восстановлении полностью утраченной формальной языковой системы по ее отображению в отдельных фрагментах, подобно тому как астрономы по орбитам видимых планет вычисляют наличие невидимых тел). Реальность реконструирования такой системы, из которой можно будет непротиворечиво вывести системы исторически засвиде-

на основной территории распространения цивилизации это население было этнически неоднородным и сыграло адстратную роль по отношению к аборигенному (по всей вероятности, веддоидному или протоавстралоидному) населению.

⁵ Самые ранние дравидские тексты, дошедшие до нас, — тамильские надписи алфавитом брахми (приблизительно III в. до н. э.) и тамильские поэтические произведения так называемой санги (приблизительно начало нашей эры). Эта поэзия являет нам устоявшуюся, зрелую, канонизированную традицию и поражает исследователей богатством и самобытностью, тонким поэтическим вкусом, изысканностью образов, тем, сюжетов и отточенностью формы, т. е. тем, что заставляет предположить длительную предысторию ее существования. К IV—V вв. н. э. эта традиция прекращает свое живое существование и оказывается забытой даже самими тамиллами. Лишь в конце XIX в. древнетамильская лирика была возвращена миру, предоставив исследователям богатый материал по культуре, языку и обычаям древних дравидов.

⁶ Размеры и цели настоящей работы не позволяют касаться процессов дифференциации и интеграции в языковых группах дравидской семьи. Отметим лишь существенно важную для нашего изложения общность черт в фонологии, грамматике, синтаксисе и лексике, не стертую процессами генетической дивергенции.

тельствованных дравидских языков,— смелая, но отнюдь не фантастическая гипотеза.

Поисковая область сопоставительного материала с самого начала не была ограничена только дравидскими данными. Параллели многим протоиндийским лингвистическим феноменам, главным образом в области лексики, обнаруживались и в санскритских источниках. Правомерность и целесообразность обращения к санскритскому литературному массиву обосновывалась субстратной ролью протоиндийской культуры для позднейших культур Индии, преемственная связь с которыми уже неоднократно проиллюстрирована. Несомненно, многие слова и словосочетания хараппского языка были калькированы на санскрит или заимствованы, а при крайнем и последовательном традиционализме санскритской литературы имели большие возможности в ней законсервироваться. Причем если на начальном этапе работы группы тезис о правомерности использования санскритских данных скорее постулировался, чем доказывался, то теперь он подтвержден целым рядом конкретных наблюдений. Например, формально выделенный в протоиндийских текстах список 60 астрономических и календарных наименований находит структурное соответствие в наименованиях годов 60-летнего хронологического цикла Юпитера, известных сейчас лишь в санскритском варианте.

Возможность оперировать не только дравидскими данными, но и информацией, сохраненной санскритом, обеспечивает большую степень надежности восстанавливаемой картины, верифицирует ее.

Решающую доказательную силу при сопоставительном анализе приобретали главным образом структурные параллели между соответствующими явлениями в хараппском и дравидских языках. По мере изучения текстов они отчетливо выявлялись на разных языковых уровнях: морфологическом, синтаксическом, семантическом.

На страницах этнографического журнала едва ли уместно излагать чисто лингвистические подробности; заинтересованный читатель найдет их в очередном выпуске «Proto Indica 79», находящемся в печати. Здесь мы лишь перечислим в резюмирующем виде основные структурные соответствия, которые обнаружены в анализируемых языках к настоящему этапу их изучения.

При исследовании морфологической структуры хараппского языка мы выделили в качестве важнейших следующие признаки: степень сложности внутренней структуры слова (морфосинтаксис), типы грамматических морфем, употребляющихся в рамках слова (точнее словоформы) в качестве постфиксов, и принципы их сочетания друг с другом.

Структура протоиндийского слова (блока) соответствует дравидской модели. Она отличается строго фиксированным взаимным расположением морфем с корнем (ядром слова) на первом месте, иерархически упорядоченной цепочкой постфиксов, отсутствием префиксов и инфиксов.

Дравидские языки

Тамильский: *puli-ka!-in-ukku* — 'тиграм'; где *puli* — корень, *-ka!* — плеонастические суффиксы мн. ч., *-in* — показатель общекосвенного падежа, *-ukku* — показатель детального падежа.

Телугу: *bālu-g-a-ku* — 'мальчиком': где *bālu* — корень, *-g* — показатель мн. ч., *-a* — показатель общекосвенного падежа, *-ku* — показатель дательного падежа.

Конда: *koḡo-g-a-p* — 'сыновей', где *koḡo* — корень, *-g* — показатель мн. ч., *-a* — показатель общекосвенного падежа, *-p* — показатель дательного, винительного падежа.

Хараппский язык⁷:

1. an-og-at[tu]-ka — 'почитаемому вонтелю', где *-an* — корень, *-og* — показатель мн. ч., *-at[tu]* — показатель общекосвенного падежа, *-ka* — показатель дательного падежа.

⁷ Номера приведенных здесь и далее примеров соответствуют номерам таблицы на с. 42.

Все постфиксы харалпского языка по различию в позиции и в структурной функции делятся на словообразующие (деривационные) и словоизменяющие (грамматические, реляционные).

Склонение протоиндийского имени характеризуется следующими грамматическими противопоставлениями: падеж (именительный, общекосвенный, дательный), число (единственное, множественное). Аналогичные противопоставления существенны и для исторически засвидетельствованных дравидских языков⁸.

Важно отметить, что образование показателя дательного падежа в протоиндийском языке характеризуется той же особенностью, что и в дравидских, а именно: дательный падеж передается сочетанием двух постфиксов, позиция которых жестко закреплена относительно друг друга и инверсия невозможна. Дательный падеж в дравидских языках характеризуется многообразием значений и соответственно широкой сферой применения. Помимо своего основного значения (объект, к которому направлено действие) дательный падеж среди прочих вариантных значений имеет значение принадлежности.

Дравидские языки.

Каннада: Nahuṣange maṅaṅa yaṅaṅa — 'Йайати, сын Нахуши' (букв.: 'Нахуше сын Йайати')⁹.

Тамильский: paṅṅaṅaṅa yaṅkaṅaṅa koḷa paṅaṅaṅa¹⁰ — 'как появилась бледность у обладательницы прекрасного лба?' (букв.: 'обладательнице прекрасного лба бледность как появилась').

Колами: paṅkaṅaṅa okkoḷa paṅkaṅaṅa — 'у вождя была одна дочь' (букв.: 'вождю была одна дочь')¹¹.

Харалпский язык

2. paṅkaṅaṅa — 'благой звезде [жертва]', 5477; тонкая пластинка.

3. paṅkaṅaṅa at[ta]ṅkaṅa — 'великой госпоже [принадлежащее]'; 2444, печать.

4. koḷa-in-kaṅaṅa — 'власгелину [принадлежащее]'.

Показатели множественного числа в дравидских языках предшествуют падежным показателям, причем их формальное выражение не является строго обязательным. Суффиксы множественного числа могут объединяться, образуя плеонастические формы. Условия для появления суффиксов множественного числа выявлены еще недостаточно четко. Особенностью дравидских языков является частое употребление множественного числа в значении Pluralis honorificus, т. е. множественное почтительное по отношению к одному лицу. Такое употребление множественного числа зарегистрировано в самых ранних тамильских текстах и сохраняется до настоящего времени.

Аналогичную дистрибуцию и употребление имеют протоиндийские словоизменяющие I позиционной группы.

Дравидские языки

Гадаба: muttak — 'старик', muttak-og — 'старики'.

Колами: annal — 'старший брат', annal-og — 'старшие братья'.

Гонди: maṅaṅa — 'сын', maṅaṅa-k — 'сыновья'.

Куви: paṅkaṅaṅa — 'нож', paṅkaṅaṅa-ka — 'ножи'.

Тулу: aṅkaṅaṅa — 'мальчик', aṅkaṅaṅa-ḷa — 'мальчики'.

Тамильский (брахманский диалект): iṅkaṅaṅa — 'муха', iṅkaṅaṅa-al — 'мухи'.

Средневековый телугу: iṅkaṅaṅa-ḷa-ḷa — 'домохозяйки', kuḷkaṅaṅa-ḷa — 'лисы' (с плеонастическими суффиксами мн. ч.).

Харалпский язык

5. aṅkaṅaṅa-og — 'почитаемый воитель'; 5506, сосуд (мн. ч. в значении Pluralis honorificus, в переводе передается словом 'почитаемый').

6. saṅkaṅaṅa min-al-at[ta]ṅkaṅaṅa — 'шесть звезд [созвездия Плеяд] [власть]', 2099, печать.

⁸ Примеры склонения протоиндийских имен см. *Кнорозов Ю. В.* Указ. раб., с. 51.

⁹ *Kushalappa Gowda K. A Grammar of Kannada based on inscriptions. 1000—1400 A. D. Annamalainagar, 1972, p. 365.*

¹⁰ *Narrinai, 388, 1—2* (тамильское поэтическое произведение начала н. э.).

¹¹ *Emeneau M. V. Kolami, a Dravidian Language. Berkeley, 1955.*

На основании внутренней реконструкции дравидского языкового материала дравидологами установлены три основные праформы показателей множественного числа для общедравидского состояния: *—г; *—к; *—1/—1 (качество и количество гласной достоверно не реконструируется)¹². Этот набор материально совпадает с показателями множественного числа в протоиндийском языке.

Протоиндийские полупеременные знаки, составляющие вместе с постоянным знаком основу слова, оказываются параллельными дравидским словообразующим суффиксам. Суффиксальное словообразование в дравидских языках развито весьма широко. В протоиндийском языке количество словообразующих суффиксов сравнительно невелико. Вопрос об их значениях и сферах употребления нуждается в более глубоком исследовании. В качестве примера приведем словообразующий суффикс-каг. В дравидских языках он образует преимущественно термины родства или названия лиц по занятию:

Тамильский: vēlai-k-kāg-an — 'слуга'; ammai-kāg — 'дочь дяди по матери'.

Малаялам: mīn-kāg-an — 'рыбак'.

Каннада: oḷek-kāga — 'почтальон'; toṭa-gāga — 'садовник'.

Некоторые исследователи считают, что суффикс каг попал в дравидские языки из индоарийских. Однако следует отметить, что с тем же значением суффикс-каг/-гаг встречается в словах шумерского субстрата, например: tam-gar — 'торговец', en-gar — 'земледелец'. В хараппском языке этот суффикс образует имена и титулы, например:

7. koī-kāg — 'властелин'; 1559 и др.

8. saṅ-ṛaṭ-kāg — 'хозяин-творец'; 1051.

Принадлежность протоиндийского языка к дравидской семье подтвердилась и на синтаксическом уровне. Все разновидности простейших синтаксических конструкций, имеющих в исследуемых текстах, могут быть интерпретированы на основе сопоставления с дравидскими моделями, в соответствии с которыми комбинируются лексические единицы в рамках простого предложения и словосочетания. Простейшие синтаксические структуры в протоиндийских текстах чаще всего сводятся к двучленным конструкциям с подчинительной или сочинительной связью.

Сложные слова (компози́ты), описанные в традиционных индийских грамматиках и относящиеся к архаическим слоям языка, эквивалентны по значению простейшим синтаксическим конструкциям и синхронически могут рассматриваться как результат трансформации последних в сращения разной степени устойчивости, часто с чертами лексической идиоматичности.

Древнейшая дравидская грамматика — тамильский трактат «Tolkāṇṇi» (приблизительно начало нашей эры) — приводит классификацию шести разновидностей сложных слов, аналоги которым имеются и в санскритской грамматической традиции. Структурное сходство с ними обнаруживают словосочетания протоиндийских текстов. Например, комбинация блоков, передающих корневую морфему с предшествующим инициальным полупеременным, структурно тождественна дравидским сложным словам типа raṅṅi-t-tokai; raṅṅi — 'качество', tokai — 'соединение', где первый член равнозначен согласованному определению или приложению в свободном словосочетании.

Дравидские языки

Тамильский: mā-k-kātal — 'великий океан', reṅ oḷi — 'великий свет'.

¹² *Krishnamurty Bh.* Telugu Verbal Bases. Berkeley, 1961, p. 257—258; *idem.* Gender and Number in Protodraavidian.—International Journal of Dravidian Linguistics, 1975, v. IV, № 2, p. 328—350; *Subramanyam P. S.* Reconstruction of allomorphs.—Indian Linguistics, 1971, v. 32, № 1, p. 36—42; *Андронов М. С.* Сравнительная грамматика дравидийских языков. М., 1978, с. 174—180.

Телугу: palla galuva — 'черный лотос', tokat-sukka — 'хвостатая звезда' (т. е. комета).

Малаялам: chem-muttu — 'красный жемчуг', cheru viral — 'маленький палец'.

Каннада: dodda maṇe — 'большой дом', kīri maḡalu — 'младшая дочь'.

Санскритский аналог представлен классом karmadhāraya, например: eka-vīra — 'единственный (несравненный герой)', kṛṣṇa sakuni — 'ворон' (букв. 'черная птица'), rūpā māsa — 'полная луна'.

Хараппский язык

9. ke amta — 'красная госпожа'; 2848.

10. reḡ amta — 'великая госпожа'; 4245, 4603.

11. ke maṇ — 'красный царь'; 5473, 5481.

12. mīn amta — 'сляющая госпожа', 4442.

Установленное тождество характеристик в грамматических системах протоиндийского и дравидских языков не рассматривалось в метафизическом смысле, т. е. как нечто застывшее в неизменности. При одинаковой форме проявления грамматические категории в сравниваемых языках могли иметь разное содержание, функционирование, сферу действия и т. д. В процессе своего развития та или иная грамматическая конструкция может иметь семантически прозрачное или формализованное значение, может исчезать (по крайней мере из поля зрения исследователя), существовать в виде тенденции, вновь появляться как регулярная норма и т. д. Например, в языке каннада конструкции с дательными падежом в значении принадлежности встречаются в самых ранних эпиграфических текстах, затем исчезают и вновь появляются в современном языке. Принадлежность сопоставляемых языковых массивов к единой дравидской общности не исключает, а, напротив, предполагает возможные расхождения в рамках этого единства. Иными словами, мы имеем дело с вариантами одной конструкции, но не с разными их типами. Поэтому было бы ошибкой представлять, что мы механически экстраполировали грамматическую систему исторически засвидетельствованных языков на хараппский язык по принципу «прокрустова ложа». Мы стремились изучить язык протоиндийских текстов на основе самих текстов, учитывая соответствующие дравидские данные в качестве своеобразного «поправочного коэффициента». Проиллюстрируем сказанное примером. В лингвистических работах либо не упоминается, либо отмечается вскользь употребление числительного «один» в функции, близкой к артиклевой. Обратимся, однако, к реальным фактам функционирования языка.

Современный тамильский язык: oḡe oḡu ūrile oḡu amma iruntal — 'женщина жила в деревне'¹³; caḡi nān oḡu kelvi ketṛeṇ — 'ну, я задам вопрос'¹⁴.

Старотамильский язык: malaiyanatu oḡu vṛiku oḡi — 'ускользнув от копья [Владыки] горы...'; 6 (Narrinai, 170, 7—8).

Телугу: maṇishik' oka māta, godḡuk', oka debba — 'человеку слово, животному удар' (пословица).

Малаялам: tapāḡkkaran nīlanṛattilulla oḡu lakkōḡṭṭu nittikkoḡuttu — 'почтальон протянул голубой конверт'.

Колами: okkon anden ba'la paḡlaknet — 'У вождя был сын'.

Хараппский язык

13. oḡ reḡ naḡ mīn — 'наша великая благая звезда'; 2053.

14. oḡ kō-in — 'нашего царя'; 4233.

15. oḡ ke maṇ — 'наш красный царь'; 2256.

Оставляя в стороне вопрос о причинах детерминации имени артиклем (точнее, псевдоартиклем), а также о степени обязательности и регулярности этой грамматической конструкции, отметим лишь, что в хараппском языке она имела живое значение и статус нормы, а в современных дравидских языках, по всей видимости, превратилась в грамматическое клише.

Следующее стратегически важное звено при исследовании языка протоиндийских надписей — выявление семантики отдельных языков. Эта

¹³ Zvelebil K. Dialects of Tamil I.— Archiv Orientalni, 1959, v. 27, s. 292.

¹⁴ Там же, с. 287.

1		9		17		25	
2		10		18		26	
3		11		19		27	
4		12		20		28	
5		13		21		29	
6		14		22		30	
7		15		23		31	
8		16		24		32	

Примеры протоиндийских надписей

работа в упрощенно-схематичном виде сводилась к тому, чтобы выявить единицы смысла, тождественные в хараппском и позднейших дравидских языках, но в первом случае обозначенные знаками протоиндийского письма, а во втором — словами естественных дравидских языков, взятыми в их семантическом аспекте. Общий смысл знака устанавливался на основе его позиционных характеристик. При выборе соответствующих лексем, отождествляемых со знаками исследуемых текстов, учитывалось и собственное значение слова как единицы языка (ингерентное), и совокупность его конкретных проявлений в разных дравидских текстах. При наличии больших синонимических рядов мы отдавали предпочтение архаичным дравидским лексемам. Архаичность удостоверялась регистрацией того или иного слова в ранних дравидских текстах. Мы не исходили из того положения, что в хараппском языке обязательно должны присутствовать слова и синтагмы, зарегистрированные во всех или в подавляющем большинстве языков. Многие из этих слов за столь большой период времени могли выйти из употребления, подвергнуться неизбежным семантическим сдвигам или семантическим переинтерпретациям из-за утраты прежней системы соответствий; могли сохранить архаические значения лишь в одном языке или даже в определенной группе текстов одного языка. Приемлемость семантической интерпретации протоиндийских знаков на основе сопоставления с дравидской лексической системой подтверждается классическим способом проверки — перекрестными чтениями. Некоторые атомарные лексические сопоставления оказываются предсказательными, т. е. уточняют реальную или мифологическую референцию протоиндийских лексических единиц. Так, например, протоиндийская синтагма 16 ke min — ‘красная звезда’ предположительно могла передавать название планеты Марс, звезды Алькор и одного из созвездий по аналогии с тамильской синтагмой sem — min — ‘красная звезда’ с тем же кругом значений, зарегистрированных в старотамильских текстах *Puranānuru Patirrupattu* начала нашей эры (ср. другие тамильские названия Марса: maṇ seṅ — ‘красный [сын] земли’; āgal — ‘огонь’, kuruti — ‘кровавый’ и санскритские: lohita, rakta — ‘красный’, rudhira — ‘кровавый’, āngaraka — ‘огненный’).

Имя протоиндийского персонажа 17 kul — ‘юноша’ (грамматическая форма имени — субстантивированное прилагательное — не передается средствами русского языка) могло относиться к «юному богу» по аналогии с тамильскими именами этого персонажа: kulakan — kul — aku, ilai — u — avan, pallai — u — ag с тем же значением (ср. санскритский эквивалент kumāra — ‘юноша’, одно из имен бога Сканды).

На настоящем этапе исследования текстов мы можем описать их семантическую структуру, имея в виду фиксирование смысла инвариант-

ных языковых единиц посредством их лексических дравидских коррелятов, не претендуя при этом на окончательность и неоспоримость.

Чтобы представить себе, как обитатели долины Инда передавали на письмо слова с помощью знаков, можно произвести такую умозрительную операцию. Предположим, что знаком для слова «титан» — аппарат для кипячения воды — является рисунок этого аппарата. Этот же знак — в силу омонимии — можно использовать и для слова «титан» в значении «сверхъестественное существо» (а также метафорически «титан мысли») и для обозначения металла с тем же названием, например, «ковкий титан». Если же представить далее, что этот знак перед другим знаком — именем выполняет роль синтаксического эквивалента прилагательного (например, «титанический ум», но в отличие от русского языка без аффиксного оформления), то все вместе взятое передает картину, близкую протоиндийскому способу письма. Такое использование омонимии для сокращения общего числа знаков свойственно иероглифическим системам письма. Во избежание неясностей употреблялись детерминативы и фонетические комплементы.

Проиллюстрируем сказанное примерами. Знак 18 — графическое изображение горы. В дравидских языках «гора» обозначается корнем *ko*. Омонимичная морфема имеет значения «царь, великий человек, бог», которые и передаются знаком горы.

Объект, изображаемый знаком 19, — лук со стрелой. Название лука в дравидских языках восходит в корню *ci*, корень — омоним имеет значение «холод», которое и закреплено за знаком лука.

Знак 20 — изображение половины. Семантика знака устанавливается на основе омонимии дравидских корней *pa* — 'половина' и *pa* — 'змея'.

Омонимы в протоиндийском письме употреблялись не всегда, а лишь для передачи понятий, изобразить которые трудно или невозможно.

Некоторые знаки передают то, что изображают, например:

21. *āp* — 'мужчина, муж, воин'.
22. *amma* — 'женщина, мать, госпожа'.
23. *vantu* — 'лчела'.
24. *veḷ* — 'трезубец'.
25. *teḡ* — 'колесница'.

При установлении чтения знаков важную роль играют случаи употребления знака для передачи двух и более морфем — омонимов, имеющих разные позиционные характеристики. Например, знак, передающий цифру 1, редко употребляется как числительное, обычно лишь в жертвенных надписях в устойчивых сочетаниях. Во всех других случаях он употребляется по омониму как знак письма: 1) в корневой позиции в основном блоке — для передачи эпитета — определения «единый»; 2) в препозиции с именем — в функции псевдоартиклия; 3) в постпозиции — в качестве показателя множественного числа; 4) в финальных блоках — в значении «единовластие»; 5) как маркирующий инициальные блоки — в значении «единицы времени». Знак, передающий цифру 2 в зависимости от позиции имеет в текстах значения: 1) числительное «два»; 2) оставаться, место, стоянка; 3) запасы, товар; 4) быть, бытие, наличие, правление; 5) существо, существующий.

Цифры в протоиндийском письме использовались преимущественно как знаки письма, например:

26. *vel pa ir* — 'белая змея — место [луны]'; 4037.
27. *mi mā tadī* — 'изначальная молния тучи'; 4717.
28. *nal val-ka* — 'благой акуле [жертва]'; 4466.
29. *caṅ paṭ-kaṅ* — 'хозяйин-творец'; 1051.
30. *eṅ tak* — 'почитаемый достойный'; 1393.

На употребление цифры в качестве знака письма указывает, как правило орфографии, ее видоизмененная форма или диакритический знак, например,

31. *toḷ val* — 'девять могучих'; 4047.
32. *toḷ koḷ miṅ* — 'сияющее созвездие'; 4693.

Интерпретация цифр как знаков письма на основе дравидской омонимии была последним аргументом решающей доказательной силы в пользу дравидоязычной принадлежности протоиндийских текстов.

Фонологический облик хараппских слов, т. е. их чтение, мы даем условно. Знаки хараппского письма отражали определенную единицу речи, несущую грамматическое и семантическое значение. Минимальной словесной единицей, неразложимой далее без потери значения (на морфологическом уровне), считается морфема. Каждый знак протоиндийского письма «читается» одной морфемой. Вопрос о том, каким был стандарт протоиндийской морфемы, весьма сложен, и здесь мы не будем на нем останавливаться. Мы не ставили своей задачей фонологическую реконструкцию дравидских морфем. На нынешнем этапе развития дравидологии надежная и аргументированная фонологическая реконструкция многих конкретных морфем затруднена. Несмотря на ряд глубоких и серьезных исследований в области сравнительно-исторической фонетики, еще не выработаны общие и точные законы звуковых соответствий для дравидской языковой семьи в целом. Остается изрядное количество недостаточно изученных или противоречиво интерпретируемых разными авторами фонетических явлений. Обычно при фонологических реконструкциях с наибольшей степенью надежности восстанавливается лишь консонантный костяк морфемы, а полная звуковая последовательность чаще постулируется, чем аргументируется. На данном этапе изучения текстов мы сочли целесообразным отождествить протоиндийские знаки с тамильскими коррелятами дравидских морфем, ибо, по мнению ученых-дравидологов, они наиболее архаичны и генетически максимально близки к общедравидскому состоянию. В отдельных наиболее устойчивых лексических группах (например, числительные) имеется возможность привести фонологические реконструкции, актуальные для современного уровня науки.

Таким образом, изучение языка надписей велось прежде всего на основании самих текстов. При этом учитывались изображения и символы, сопровождающие текст, а также форма объекта, на котором этот текст начертан. Иногда объект определяет смысл надписи, являясь своеобразным контекстом, или даже входит в текст как его составная часть. Например, тонкие пластинки и двусторонние оттиски, выполненные в форме знака, изображающего рыбу, передают название большого сезона разлива и тем самым дополняют и уточняют надпись. В каждом случае осуществлялся такой комплексный подход к тексту, при котором данные формального исследования сочетались с лингвистическим анализом и интерпретацией соответствующего изображения — при всестороннем рассмотрении объекта, на котором этот текст начертан.

Однако прочтенный таким образом, т. е. перекодированный в языковых единицах, близких к дравидскому звучанию, текст остается в значительной степени мертвой массой языковых элементов. Для современного русского читателя он попросту невразумителен в силу рабской буквальности перевода и непонятности, чуждости многих реалий.

Поэтому с формальным переводом должен сочетаться перевод-интерпретация, учитывающий реальность, стоящую за языковыми сообщениями.

Всякое сообщение, построенное из слов-единиц знакового характера, передает определенный смысл. Этот смысл, во-первых, не складывается из простой арифметической суммы составляющих его слов; во-вторых, определенное содержание сообщается и помимо материально выраженного словесного предложения (в структуре предложения, логических пресуппозициях и т. д.). Так, собеседник опустит из своей речи все то, что и без того известно слушающему или с очевидностью определяется ситуацией, общепринятыми социальными нормами, обычаями и т. д. Например, едущий в автобусе человек, передавая деньги на билет, не будет говорить: «Я даю Вам 5 (а не 10 и не 30) копеек (а не йен, не тугриков и не пенсов) и прошу Вас опустить их в кассу, которая рядом с Вами и до которой мне не дотянуться (а не опустить себе в карман) и

оторвать один билет (а не купить себе мороженое) и т. д.». Он просто скажет: «Передайте, пожалуйста». Адекватное понимание говорящего возможно лишь при учете этого непроизносимого контекста.

Точно так же при изучении письменного текста его правильная смысловая интерпретация и адекватное понимание в значительной мере обусловлены внесловесными значениями. Сравним два предложения: 1. Птица вспорхнула с ветки. 2. Львица вспорхнула с ветки. С точки зрения формальной грамматики русского языка корректны оба предложения, но всякий, знающий русский язык, сочтет второе высказывание абсурдным, ибо оно нереально («так не бывает»). Но мы не упрекаем М. Ю. Лермонтова за строчки «Русалка плыла по реке голубой озаряема полной луной», хотя это тоже нереально. Приведенные примеры показывают, что правильная смысловая интерпретация текста невозможна без выхода за пределы собственно языка, без знания отраженной в тексте реальности (включая и ее идеальное преломление). Участь экзегета протоиндийских текстов осложнена тем, что культурные, историко-социальные, религиозно-мифологические реалии далеко не всегда известны, единственный источник для их восстановления — сам текст. Таким образом, исследователь оказывается в замкнутом круге. Иногда выход из этого положения дает аналогичный материал исторически засвидетельствованных культурных традиций Индии. Но этот материал требует серьезного критического разбора, установления региональных, хронологических и других различий, без чего имеется риск свести все воедино, к одному временному уровню и тем самым получить одностороннее предвзятое восприятие.

Трудности перевода и интерпретации протоиндийских текстов этим не исчерпываются, простое перечисление их заняло бы не одну страницу. При этом нет и не может быть единого метода для их преодоления. Каждый текст или группа текстов требует особого методологического подхода. Цель сказанного — показать, что после прочтения протоиндийских текстов их филологическое исследование по сути дела только начинается.

CERTAIN PROBLEMS IN THE STUDY OF PROTO-INDIAN TEXTS

The main stages in the linguistic analysis of Proto-Indian Texts are briefly described: they demonstrate the methods used by the Group studying this unknown script system. The main evidence substantiating the Dravidian character of these texts is adduced (at the morphological, syntactical and lexical levels of the language). The author's main attention is centred upon structural analogies between the linguistic groups undergoing comparison. The importance is stressed of combining the formal translation of texts with interpretational translation explaining the meaning of cultural, mythological and other realia.